

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ЛЮБИТЕЛЬСТВО В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

¹Одесский национальный политехнический университет

Активность любительства в гуманитарной сфере объясняется нечеткостью критериев научности гуманитарного знания. Их уточнение и распространение будут способствовать повышению уровня профессионализма гуманитариев.

Ключевые слова: наука, критерии научности, гуманитарные науки, гуманитаристика, профессионализм.

Keywords: science, scientific criteria, science of humanities, humanitaristics, professionalism.

Современная наука существенно отличается от науки столетней давности, когда только естественнонаучное знание могло претендовать на статус научного и в этом смысле противопоставлялось гуманитарному. По мере развития самой науки, развертывания процессов дифференциации и интеграции дисциплин, переплетения предметных, проблемных и методологических сфер научной деятельности, становилось все труднее развести естественнонаучное и гуманитарное знание по научному признаку. Тем не менее, в научном сообществе, как и в массовом сознании, сохраняется несколько скептическое отношение к гуманитарным наукам, хотя отдельные успехи гуманитарных наук колеблют этот скепсис.

Нынешняя наука все более утрачивает свой предметный характер и приобретает проблемный. Решение чуть ли не всех современных научных проблем находятся на стыке различных предметных областей, продуцируя комплексные подходы при активном участии гуманитарного знания. Без гуманитарных экспертиз и иного гуманитарного участия не обходится ни одно мало-мальски важное научное или научно-техническое решение. Востребованность гуманитарного знания существенно повышается, а вместе с тем растут и требования к его научности, в том числе относительно знания собственно человеческого духа, как традиционного предмета гуманитарного знания. Тем более, что далеко не все происходящее в современной гуманитарной науке, как, впрочем и в других научных дисциплинах, соответствует классическим идеалам и нормам научности. В этой связи весьма важным представляется анализ различных подходов в гуманитарной сфере (как и в естественнонаучной) на предмет соответствия идеалам научности и анализ самих идеалов с учетом специфики современной науки и ее места в культуре.

Интересное отличие современной науки от классической состоит в ее демократизации, когда наряду с профессионалами в науке работают непрофессионалы. Причем не только в качестве «обслуги», число которой неизменно увеличивается, что можно наблюдать, просмотрев список участников любой хоздоговорной кафедральной темы, где собственно ученые далеко не всегда составляют большинство. Но в данном случае речь о другом. В современной науке довольно широко, хотя и не повсеместно, представлены любители, дающие именно научный результат. Целью статьи является обсуждение вопроса о роли любителей в науке, в частности в гуманитарных науках.

Ярким примером участия любителей в науке является открытие сверхновой звезды SN1987A. В астрофизике известно, что когда образуется сверхновая звезда, то примерно за три часа до ее появления в видимом спектре можно зафиксировать поток нейтрино. Однако, чтобы «поймать» само видимое излучение, нужно направить телескоп в определенное время в определенную часть неба. Указанная определенность как раз и не дана теорией – надо наблюдать чуть ли не весь небосвод. Но имеющихся на Земле профессиональных астрономов для этого не хватает. На помощь приходят тысячи астрономов-любителей с управляемыми компьютерами, телескопами с особой оптикой, специальными датчиками и пр. Все это, конечно, в целом уступает профессиональному обеспечению, но для фиксации многих эмпирических данных вполне достаточно. Ведь нередко вопрос не в мощности телескопов и другого оборудования, а в количестве наблюдателей. Связь профессионалов и любителей, интересующихся небесными телами, осуществляется через глобальные исследовательские сети. Первым увидел сверхновую 1987А полупрофессионал Йен Шелтон и чуть позже еще несколько астрономов-любителей, причем один из них снял взрыв на фото, подтвердив данные Шелтона. Ясно, что не обошлось без решающей роли астрофизиков-профессионалов, которые обнаружили ключевое явление - потоки нейтрино, а также обеспечили теоретическое обоснование предсказанию и последующей интерпретации феномена, но вряд ли сумели бы его зафиксировать, во всяком случае на столь ранней стадии. Так состоялось одно из величайших астрономических открытий XX века. Не случайно, соавторами опубликованной статьи об этом открытии стали профессиональные астрофизики и астрономы-любители [1, с. 83-88].

С помощью любителей, сочетая наблюдения крупными и малыми телескопами, профессионалы установили, как выглядит тройной астероид в Главном поясе астероидов. Это поможет определить плотность и внутреннее строение астероида без необходимости посещать сам астероид. Знание внутренней структуры астероидов — ключ к пониманию того, как формировались планеты Солнечной системы. Такое сотрудничество профессионалов и любителей уже мало кого удивляет. Даже организуются специальные проекты, использующие любительский труд для науки, например, в русле поисков возможных разумных сигналов из космоса или исследования снимков космических объектов, т.е. там, где нужна по-своему интересная и престижная, но для профессионала скучная, кропотливая, слишком длительная работа, которая ускоряется (и удешевляется!) в тысячи раз за счет массовости участников.

Понятно, что разработка новых теорий или анализ эмпирических данных, как и определение направленности поисков, остается за профессионалами. Не исключено, что подобное сотрудничество профессионалов и любителей можно организовать в медицине, биологии, социологии, политологии, истории, литературоведении, психологии, педагогике и других дисциплинах, где часто важен именно фактор большого количества эмпирического материала, который может быть обеспечен любителями. Астрофизический опыт может быть весьма полезным.

Активное участие в строгой науке непрофессионалов может ассоциироваться с ослаблением идеалов научности, с размыванием границ науки и ненауки. Однако такое впечатление будет неверным. Правда, обилие непрофессионалов повышает риск ошибок, подтасовок, фальсификаций. Но астрономия, являясь строгой наукой, имеет надежный инструментарий для отсева и отсека «пустой породы», ничуть не поступаясь идеалами научности. Здесь роль любителей ограничивается

эмпирическим материалом, им недоступны «теоретические дебри», требующие специальной, именно профессиональной подготовки. В гуманитарных науках теории, напротив, порой не столь сложны и более понятны непрофессионалам. Поэтому их претензии на теоретичность здесь более ощутимы.

Участие любителей в гуманитарных науках также можно снабдить положительными примерами. Впечатляющим фактом эффективного вторжения любителя в историческую науку является научная деятельность инженер-полковника в отставке из г. Одессы Пядышева Г. Е. в 70-80 годы XX века. Он аргументированно обосновал «верхнедонецкую», отличную от официально признанной, версию маршрута похода князя Игоря, описанного в «Слове о полку Игореве». В нее непротиворечиво вписываются и дружественно-семейные отношения князя Игоря с ханом Кончаком, и его вражда с другими половцами, и непростые отношения с киевскими князьями, и многие лингвистические, географические и военно-политические особенности интерпретации исторических источников [9]. Интересно, что вначале редакция журнала «История СССР» отклонила статью любителя. Однако Пядышев приехал в Москву, настоял на своем выступлении перед ученым советом. Ему выделили 15 минут. Ответы на вопросы, продолжавшиеся почти два часа, завершились единогласным решением ученого совета о публикации его статьи в главном историческом журнале. Это фактически означало принятие любителя в ряды профессионалов, хотя соответствующий диплом отсутствовал.

Общеизвестно, что наличие диплома, или его отсутствие мало что говорит об уровне профессионализма. Нужно демонстрировать знание предмета, научный кругозор, владение методами, объективность, критичность и пр. При этом, как представляется, важным фактором профессионализма в науке является методологическая грамотность, прежде всего представление об критериях научности. Отсутствием этого грешат практически все любители, поскольку не проходили соответствующую подготовку, но, впрочем, и некоторые профессионалы, игнорирующие этот момент в силу различных причин: пробелов в образовании, профессионального несоответствия, субъективизма, некритичности и т.д.

Примеров успешной деятельности любителей в гуманитарных науках не так много. Хотя здесь любителей-историков, лингвистов, литературоведов куда больше, чем в астрономии. Да и не очень хороших профессионалов побольше. Это связано со многими непростыми проблемами, в частности, с советским наследием, когда гуманитарии готовились не столько к научной работе, сколько к идеологической борьбе, с падением уровня подготовки специалистов и с падением уровня профессионализма на постсоветском пространстве, в том числе и в науке. В результате не все профессионалы, не говоря уже о любителях, могут четко разделить науку и ненауку. Не случайно, что именно на постсоветском пространстве возникли различные варианты патриотических псевдоисторий или лженаука «Новая хронология», пустившие корни и в культурной сфере, в частности на телевидении, в кинопроизводстве [5; 7].

Заметное распространение любительской «науки» в гуманитарном знании нередко сопряжено с их явным вредом, как в случае с «Новой хронологией». Все же подобную лженауку от науки отличить не так трудно в силу явного противоречия с идеалами научности. Но нередко проблема в том, что некоторые разделы гуманитарного знания методологически не проработаны на предмет соответствия нормам научности. Это касается, к счастью, не всех гуманитарных дисциплин. Скажем,

в структурной лингвистике или в конкретной социологии можно отыскать строгие теории, соответствующие самым жестким критериям научности и не уступающие в этом смысле астрофическим или другим строгим научным теориям [4]. Применение математических методов в истории и литературоведении также приближает некоторые их разделы к классическому идеалу научности [8; 10]. В то же время целые области гуманитарного знания не соответствуют названным канонам. Это касается ряда педагогических или психологических концепций, теорий социальной работы [6], некоторых разделов истории, литературоведения, литературной критики и пр. Здесь даже у профессионалов успех нередко обеспечивается не за счет научности метода или иного научного инструментария, а за счет таланта, искусства работника [11]. Последующие теоретические обобщения успешного опыта порой напоминают теории *ad hoc* и редко могут быть успешно применены. В подобных случаях возникает питательная почва для любительства. Примером является попытка создания гелотологии как психологической науки о целительной роли смеха. Исходным пунктом к этому стал случай с Норманом Казинсом, американским журналистом, ставшим вскоре по необходимости психологом. Он заболел редкой болезнью – коллагенозом, быстро теряя способность двигаться и страдая от жутких болей. Врачи практически не оставили ему надежды. Тогда Казинс стал ежедневно по 5-6 часов в день смотреть комедии и смеяться. Ему вскоре стало лучше, а затем он выздоровел полностью. Можно порадоваться за Нормана, но проблема в том, что случай этот уникален. А науке и ее практическим воплощениям нужна всеобщность, обеспечивающая закономерность, предсказательность, что собственно имеет место в любой хорошей теории. Впрочем, именно после такого сенсационного случая в Америке стали проводиться эмпирические научные исследования по психологии смеха и начала развиваться смехотерапия, как один из методов психотерапии. Медики в некоторых странах пытаются использовать смех даже при лечении алкоголиков, наркоманов, раковых больных. Однако никто не сообщил, что эффективность этих методик зашкаливает. И это не случайно. Пока нет надежной теории, разработать хорошую методику невозможно.

Характерным примером любительства в литературоведении могут служить неудачные попытки применения бахтинской теории меннипеи к другим литературным произведениям [3]. Если М.Бахтин блестяще реализовал свой подход к творчеству Рабле, то меннипеисты вроде А.Баркова, использовавшие его идеи в качестве метода к пушкинскому «Евгению Онегину», к булгаковскому роману «Мастер и Маргарита» и др., явно провалились [2, с. 148-153].

Непрофессионалы, типа Казинса или Баркова, внедряющиеся в науку, скорее продуцируют не очень качественные гипотезы, чем строят лженауку. Положительный момент может быть усмотрен в том, что тем самым они привлекают внимание к важным проблемам. А чтобы от их вторжения не было вреда, наука должна иметь строгий инструментарий для отсека ненужного «шлака», как, например в астрофизике.

Очевидно, что столь строгого и надежного инструментария для отсека ненужного в гуманитарном знании нет. Поэтому так актуален вопрос о критериях научности, о их соблюдении в гуманитарном знании и соответственно о методологической подготовленности участников научного проекта.

Современный этап развития науки потребовал некоторого пересмотра классического идеала

научности. В частности, смягчились жесткие требования к теории, методу, средствам выражения.

В целом, в гуманитаристике необходимо различать три сферы знаний. Первая соответствует строгим стандартам научности. Она практически не отличается от естественных наук. Здесь применяются математические модели, строгие методы, создаются верифицируемые теории и т.д. Они ограничивают знание конъюнкцией как минимум таких признаков: обоснованность, эксплицитность, общезначимость, референциальность, валентность, рефлексивность [12]. Сюда можно отнести многие разделы лингвистики, некоторые разделы литературоведения и психологии, квантитативную историю и социологию и т.д.

Вторая сфера использует более размытые стандарты научности, мягкие критерии рациональности, нестрогие методы, нарративные объяснения, философские концепции. Но стремится соблюдать многие принципы классической науки: доказательность, обоснованность, выводимость, подтверждаемость и др. Сюда можно отнести большую часть литературоведения, некоторые разделы психологии, квалитативную неколичественную историю и социологию, микроисторию, педагогику.

Третья важная сфера гуманитаристики является вненаучной, в том смысле, что сознательно отказывается от ряда требований науки: от объективности, как литературная критика, от естественности в объяснении, прибегая к признанию высших сил как теология, от эксперимента как философия. Сосуществование под единой крышей «вненауки» столь разных дисциплин подчеркивает сознательное несоответствие каким-то общепринятым стандартам науки. Это отнюдь не уменьшает их достоинств, напротив, делает более свободными и менее связанными ограничениями[2].

Дифференциация указанных трех сфер знания особенно актуальна именно для гуманитарного знания, в частности в плане четкого различения науки и ненауки, гуманитарных наук и гуманитаристики, профессионализма и любительства. Она оправдана также возможностью, с одной стороны, «доработать» некоторые сферы гуманитарного знания до идеалов строгой науки, с другой – очертить ту сферу гуманитаристики, где это невозможно и не нужно, и где открывается путь для принципиально иного, дополнительного, описания гуманитарных объектов, где, впрочем, также требуется свой профессионализм. Все это поле деятельности профессионалов. По-видимому, роль любителей состоит не в создании научных теорий или методов, а в нахождении и первичной обработке эмпирического материала для профессионалов, что может иметь место в любой сфере гуманитарного знания.

В качестве выводов отметим, что распространение любительства в гуманитарном знании актуализирует вопрос о соблюдении критериев научности гуманитарного знания. Различение трех сфер гуманитарного знания как соответствия жестким или нежестким критериям научности, либо несоответствия им позволит четче различать науку и ненауку, профессионализм и любительство.

Литература

1. Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в интернете / Крис Андерсон; пер. с англ. И. Аникеева. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012 – 304 с.
2. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.
3. Барков А. Н. Романы «Евгений Онегин» и «Мастер и Маргарита»: традиция литературной мистификации / А. Н. Барков. – Киев: Станица – Киев, 1996. – 32 с.
4. Гладкий А. Ф. Размышления о взаимодействии лингвистики и математики. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/164549>
5. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М.: Русский Мирь, 2010. — 240 с.
6. Иванова Е. М. Социальная работа сквозь призму параметрической теории систем / Е. М. Иванова // Наукове пізнання. – 2007. – Вып. 2 (20). – С. 66–71.

7. История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ ответа А. Т. Фоменко. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 576с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. — СПб.: Искусство – СПб, 1998. — С. 14–288
9. Пядышев Г. Е. Поход Игоря на половцев в 1185 году: Место битвы // История СССР.–1980.–№ 4.–С. 42—65.
10. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/ricoeur/last.html>
11. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин [пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой]. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
12. Цофнас А. Ю. Гносеологія / А. Ю. Цофнас. — Київ: Алерта, 2005.—232 с.